

— Се Цзяньвей прямо и откровенно заявил: «Лу Ли — мой любимый человек».

Бабушка Се: «.....»

Се Цзяньвей ничего не скрывал. Образ Бабушки Се в этом сне был списан с бабушки самого Лу Ли, а уважение Лу Ли к бабушке было заложено у него в костном мозге. В подобном сне этот образ неизбежно идеализировался до бесконечности, поэтому Се Цзяньвей прекрасно понимал, каков характер Бабушки Се.

Она была разумной и мудрой женщиной, которая превыше материальных ценностей ставила счастье собственного внука.

Стоило Се Цзяньвею открыться ей, как она, хоть и не сразу смогла это принять, не стала бы действовать слепо.

Се Цзяньвей даже сказал ей такие слова: «Бабушка, я люблю его, и мне хватит того, что в этой жизни я встретил его».

В конце концов Се Цзяньвей сумел убедить Бабушку Се.

Устранив практически все скрытые угрозы, Се Цзяньвей хотел лишь спокойно наслаждаться жизнью в золотой клетке.

Вот только он мог защититься от всего мира, но не от человека, с которым делил ложе.

Мм... Кто же виноват, что у человека с его ложа оказалось маловато личностей.

Это случилось на третий год пребывания Се Цзяньвея в роли птички в золотой клетке.

Поначалу всё шло абсолютно нормально: Лу Ли повел его в кино.

Кинотеатр, разумеется, был полностью арендован, даже официантов в ресторане Лу Ли заменил своими людьми. Пообещав, они отправились гулять, и среди прохожих оказалось несколько знакомых лиц — судя по всему, массовка, нанятая Лу Ли.

Подобное происходило далеко не впервые, и Се Цзяньвей уже привык. В конце концов, весь этот сон — сплошной сценарий Лу Ли, так пара лишних актеров на сцене и за кулисами ничего не меняла.

Но вот этот выход за рамки сценария преподнес ему огромный сюрприз!

Се Цзяньвей стоял на месте, с удивлением переводя взгляд с Лу Ли рядом с собой на другого Лу Ли посреди проезжей части.

Что за черт?

От автора есть что сказать:

Босс второй личности: Твою мать, этот проклятуший номер первый уже достаточно попользовался благами, пора этому сну заканчиваться!

Счастливых выходных! Глава 15

Как могло появиться два Лу Ли?

Неужели снова Сюй Ли?

Точно так же, как в прошлый раз, когда Се Цзяньвей принял Сюй Ли за Лу Ли и бросился его спасать ценой собственной жизни, а тот снова принял прежний облик. После этого ревнивец Лу Ли закатил такую сцену, что если бы Се Цзяньвей вовремя не потерял память, весь сюжет неумолимо скатился бы в трагедию.

Будь это Сюй Ли, Се Цзяньвею не было никакого резона его спасать — в конце концов, он же амнезиак. Он не собирался разыгрывать банальные мелодраматичные сценки вроде я потерял память, но все равно помню своего прежнего возлюбленного, а мое тело реагирует быстрее, чем мозг.

В конце концов, это всего лишь проверка, и у него оставалось право выбора направления сюжета.

Но, судя по всему, Се Цзяньвей недооценил своего домашнего психопата. Хоть тот особо нигде и не учился, но азы познал под его личным руководством, да и в кресле маршала пробыл достаточно долго. Оставим в покое остальные таланты, но в искусстве устраивать проблемы: если он назовет себя вторым, то во всей вселенной вряд ли найдется смельчак, назвавший себя первым.

Поэтому, когда военный советник Се твердо решил выждать и остаться в стороне, не пытаясь никого спасать, Лу Ли рядом с ним в мгновение ока превратился в Сюй Ли!

Се Цзяньвей: «.....»

Это что еще за хрень? Собрались разыграть драму под названием я потерял память, но при виде Сюй Ли все равно теряю голову, а потому хладнокровно даю Лу Ли умереть?

Имейте же совесть, малыш, разве можно так беспредельничать?

Люди что, по-твоему, меняются местами по щелчку пальцев? Нельзя же так наплевать на логику ради дешевой мелодрамы!

Как вообще подыгрывать такому сценарию?!

Сколько Се Цзяньвей себя помнил, в такое затруднительное положение он еще не попадал.

Спасать или нет?

Он мог дать голову на отсечение: стоило ему броситься к Лу Ли посреди дороги, как тот в мгновение ока превратится в Сюй Ли. Но если он не сдвинется с места, Лу Ли рядом с ним точно так же превратится в Сюй Ли.

Короче говоря, что бы он ни предпринял, Лу Ли заранее решил, что Се Цзяньвей выберет Сюй Ли.

Все это происходило в считанные секунды. Пока Се Цзяньвей лихорадочно соображал, как найти компромисс, находившийся рядом Лу Ли вдруг подал голос: — Почему я там?

Се Цзяньвей резко замер.

Лу Ли тоже увидел Лу Ли?

Он видит не Сюй Ли?

Если так, неужели это и впрямь не Сюй Ли, а Лу Ли? Неужели существует два Лу Ли?

В голове Се Цзяньвея пронеслись мысли на невероятной скорости: два Лу Ли — такой вариант тоже исключать нельзя. В конце концов, еще с недавних пор Се Цзяньвей подозревал, что и другие личности способны вмешиваться в это сновидение. Иначе Лу Ли, при всей своей склонности к паранойе, не стал бы заниматься таким мазохизмом и заставлять Се Цзяньвея спасать Сюй Ли.

Согласно здравой логике, в подобной ситуации Лу Ли думал бы лишь о том, что Сюй Ли заслуживает смерти, что его должны переехать десять грузовиков.

Но в итоге под колеса угодил сам Се Цзяньвей.

Будь это запертый во сне Лу Ли, он ни за что не позволил бы Се Цзяньвею пострадать — ведь в

его глазах этот сон был реальностью. Даже если бы Се Цзяньвей не умер, он испытал бы страшную боль, и одни только эти мысли помешали бы Лу Ли поступить подобным образом.

Но если бы это был Лу Ли с другой личностью, он вполне мог пойти на такое. Поскольку он не принадлежал этому сну, то прекрасно знал, что все вокруг ненастоящее. Раз уж он мог в мгновение ока превратить Сюй Ли в Лу Ли, у него наверняка хватило бы уверенности избавить Се Цзяньвея от физической боли.

В итоге так оно и вышло: Се Цзяньвея сбило так, что он оказался полужив, но о том, чтобы слечь пластом в постель, не было и речи — он не почувствовал даже малейшей царапины.

Если взглянуть на это под таким углом, все предыдущие нелогичные моменты тоже находили свое объяснение.

Лу Ли внутри сновидения неукоснительно следовал логике, потому что искренне верил в реальность происходящего. Зато Лу Ли, находившийся за пределами этого сна, на логику плевать хотел, потому что знал: это всего лишь сон.

В реальности они уже успели переубивать друг друга, так что во сне они тем более не преминули бы как следует подставить самих себя.

Се Цзяньвей нахмурился. И что теперь делать?

В этот момент стоявший рядом Лу Ли резко выпалил: — А-Вэй, это не я!

Се Цзяньвей: «.....» Да как раз-таки ты...

А Лу Ли посреди дороги немигающим взглядом в упор смотрел на Се Цзяньвея. Его темные глаза почти сливались с ночной темнотой.

Сердце Се Цзяньвея пропустило удар, а от этого взгляда в груди все растаяло.

Что ладонь, что тыльная ее сторона — все едино, и на какого из них ни посмотри, когда они занимаются саморазрушением, сердце все равно сжималось от боли.

Впрочем, на этот раз Се Цзяньвей уже не испытывал прежней растерянности. Раз уж Лу Ли увидел точно такого же Лу Ли, значит, можно смело идти спасать его, а потом оправдаться: мол, я не мог просто смотреть, как ты погибаешь на моих глазах.

Он только собрался сделать шаг, как вдруг, приглядевшись получше, обнаружил, что на широкой дороге никого нет.

Ни Лу Ли, ни Сюй Ли — все исчезли, остались лишь проносящиеся на бешеной скорости машины.

Се Цзяньвей остолбенел. Лу Ли тоже нахмурился еще сильнее.

Поразмыслив немного, Се Цзяньвей пришел к определенным выводам: судя по всему, второй Лу Ли еще не научился по-настоящему проникать в сны других личностей.

Впрочем, оно и понятно: будь у него такая способность, неужели он стал бы ограничиваться одной этой мелочью?

Наверняка перевернул бы всё вверх дном.

Се Цзяньвей временно вздохнул с облегчением, хотя на душе все равно скребли кошки.

Сейчас номер второй не может проникнуть в сон номер первого, а что будет дальше?

Не случится ли так, что в каком-нибудь сне ему придется столкнуться сразу с несколькими Лу Ли лицом к лицу?

И какой тогда вообще смысл это лечить? Можно будет просто притащить стульчик и устроиться поудобнее, наблюдая, как они грызут друг другу глотки!

У Се Цзяньвея дернулась бровь — оставалось надеяться, что он просто накручивает себя.

Голос Лу Ли вернул его в реальность: — Только что...

Се Цзяньвей прикинулся дурачком: — Что такое?

Взгляд Лу Ли мелькнул: — Ты видел меня посреди дороги?

Се Цзяньвей улыбнулся и взял его за руку: — С чего бы? Разве ты не стоишь рядом со мной?

Лу Ли помолчал немного, вглядываясь в него, и лишь спустя долгое время произнес: — Да, я рядом с тобой.

Се Цзяньвей легко коснулся губами его губ и ласково прошептал: — Всегда, всегда будь со мной рядом.

Лу Ли тоже слабо улыбнулся: — Хорошо.

Из-за этого маленького инцидента Се Цзяньвей решил больше не продолжать жизнь дармоеда и начал тайком связываться с нужными людьми, готовясь к большому делу.

Главным бзиком Лу Ли на данный момент был страх перед тем, что в один прекрасный день Се Цзяньвей вернет память и бросит его.

Изначально Се Цзяньвей не спешил разбираться с этой проблемой, но появление второго Лу Ли заставило его понять, что откладывать больше нельзя: не дай бог номер второй снова решит устроить какую-нибудь пакость, тогда от подобных сюрпризов точно не защитишься.

Такие внутренние проблемы решаются только через боль.

Пусть даже разрыв старых ран причиняет дикую физическую боль, но стоит лишь перетерпеть — и начнется исцеление.

Се Цзяньвей подстроил «случайную встречу».

Потерявший память Се Цзяньвей наконец-то встретился с Сюй Ли.

Рука Лу Ли дрогнула, столовые приборы с грохотом упали на пол. Лицо его мгновенно побледнело, а в темных глазах затаилось нескрываемое беспокойство.

Почему Сюй Ли здесь?

Увидев его, Се Цзяньвей наверняка...

Сюй Ли уже бросился к нему, громко вопя: — А-Вэй, во всем виноват я, это из-за меня ты пострадал! Если бы не попытка спасти меня, ты бы не попал в лапы этого монстра, он бы не захватил компанию Се и не запер тебя в...

— Ты еще кто такой? — в глазах Се Цзяньвея читалось полнейшее равнодушие.

Сюй Ли прекрасно знал об амнезии Се Цзяньвея, поэтому закричал в панике: — Сюй Ли! Я Сюй Ли! Мы же возлюбленные, мы по-настоящему любим друг друга! Спасая меня, ты попал под машину, поэтому все позабыл. А-Вэй, тебя обманул Лу Ли, тебя оберл этот бессердечный ублюдок!

Се Цзяньвей резко поднялся со стула.

Лу Ли не шелохнулся. Опустив голову, он до крови впился ногтями в ладони, но не чувствовал никакой боли.

Прекрасный сон рассеялся, но он никак не ожидал, что это произойдет так быстро.

— Лу Ли обманул меня? — холодно усмехнулся Се Цзяньвей. — С какой стати мне верить какому-то незнакомцу?

В глазах Сюй Ли застыло изумление, а Лу Ли резко поднял голову.

Не сводя глаз с Сюй Ли, Се Цзяньвей произнес: — Я действительно потерял память, но рассудка не лишался. Я прекрасно помню, как Лу Ли ко мне относится, и даже если вспомню все остальное, я все равно буду любить его.

Сюй Ли не желал сдаваться и попытался что-то возразить, но пришедший в себя Лу Ли уже взмахнул рукой, и дежурившие поблизости охранники тут же выступили вперед, выставив Сюй Ли за дверь.

Атмосфера в ресторане слегка накалилась, и Лу Ли заговорил первым: — То, что он сказал...

Се Цзяньвей шагнул вперед, взял его за лицо и серьезно произнес: — Лу Ли, я люблю тебя.

Лу Ли остолбенел, а Се Цзяньвей продолжил: — Если раньше я не любил тебя, то и хорошо, что все забылось. Мне не нужны те воспоминания, мне нужны лишь те, что будут связаны с тобой в будущем.

В глазах Лу Ли читалось абсолютное неверие.

Се Цзяньвей улыбнулся ему: — Не веришь? Тогда я спрошу тебя об этом через тридцать лет...

Хриплым голосом Лу Ли спросил: — А если я совершу что-то очень дурное, ты...

— Никаких ошибок, Лу Ли, ты никогда не ошибаешься. — Се Цзяньвей приблизился вплотную, их носы почти соприкоснулись, и он мягко проговорил: — Я люблю тебя, и я люблю в тебе абсолютно все.

Хороший он или плохой — с того самого момента, как Се Цзяньвей принял Лу Ли, он полюбил все его стороны.

Ничего страшного, если тот чего-то не понимает, он будет объяснять ему снова и снова, сколько бы раз ни пришлось.

Се Цзяньвей провел с Лу Ли невероятно долгий сон, охвативший целое десятилетие.

Все эти десять лет Се Цзяньвей так и не «вернул память».

Он потратил уйму времени на то, чтобы успокоить тревогу Лу Ли.

Проснувшись ото сна, Се Цзяньвей даже не ощутил бега времени.

Янь Кэ тяжело выдохнул: — Ну надо же, наконец-то удалось отправить эту личность во временную спячку.

Се Цзяньвей отозвался: — Ага.

Янь Кэ загорелся энтузиазмом: — Надеюсь, с остальными личностями все пройдет так же гладко.

Се Цзяньвей взглянул на часы и сказал: — Давай откроем еще одно поле.

Янь Кэ понял, о чем он думает: — Тоже верно, Галактический фестиваль уже на носу, к тому времени господин маршал должен проснуться и принять участие в параде.

Се Цзяньвей кивнул в знак согласия.

Имея за плечами опыт прошлого сна, Се Цзяньвей и Янь Кэ полагали, что на этот раз все пойдет еще проще, ведь они уже раскусили «приемчики» товарища Старого Лу.

Однако, стоило Се Цзяньвею проснуться, как он воочию познал всю глубину фразы в столице сплошные хитрости, пора возвращаться в деревню!

Се Цзяньвей превратился в подростка-старшеклассника, а перед ним лежал дневник, написанный им «самим».

Стоило прочесть лишь пару строк, как его настроение стало крайне сложным.

20XX год, XX месяц, XX число.

Доктор Лу не пришел.

Почему доктор Лу не пришел?

Доктор Лу ушел заботиться о ком-то другом?

Почему доктор Лу не может смотреть только на меня, заботиться только обо мне и принадлежать только мне?

Доктор Лу, доктор Лу, доктор Лу, доктор Лу...

Се Цзяньвей: «.....» Ну просто эталонный больной на голову яндэре-подросток.

От автора есть что сказать:

Доктор с двойным дном хитрый гун х больной на голову яндэре шо.

Се Цзяньвей: Кажется, мне выдали сценарий задом наперед? Глава 16

В первые два сна Се Цзяньвей попадал с абсолютно ошеломленным видом и действовал исключительно наобум.

На этот раз товарищ Старый Лу проявил особую заботу, сразу подсунув ему дневник. Пролистав его по диагонали, Се Цзяньвей уже четко представлял, какого рода психопатом он здесь является.

Шестнадцатилетний недолюбленный юноша из-за проблем со здоровьем с малых лет не вылезавший из лекарств. Он почти не дышал свежим воздухом на улице, а за всю свою жизнь из знакомых видел разве что прислугу, не имея ни единого друга.

Родители были вечно заняты работой, мотались по всей галактике и едва ли пару раз за год показывались дома.

При такой жизни подростка нормальное психическое состояние было бы чудом.

Ровно год назад Лу Ли стал его семейным врачом. Время от времени он навещал его для осмотров, попутно разговаривая с ним и тайком принося всякие диковинные безделушки.

Где уж было мальчишке видеть такое? После всего нескольких встреч он только и делал, что твердил о докторе Лу, превратившись в его главного фаната.

Однако судя по записям в этом дневнике за целый год, подросток давно перерос стадию простого фаната — его одержимость достигла безумного, психопатического уровня.

Вот, например, эта запись:

20XX год, XX месяц, XX число.

Почему А-Цзюнь все время пялится на доктора Лу?

Доктор Лу принадлежит мне! Никому не позволено на него глазеть!

А-Цзюнь такая раздражающая, такая противная, так и хочется выцарапать ей глаза...

Се Цзяньвей даже мысленно посочувствовал этой самой А-Цзюнь — увольнение стало для нее лучшим исходом, иначе, останься она там подольше, этот психопат вполне мог выкинуть что-нибудь эдакое.

Дочитав «сценарий», Се Цзяньвей тяжело вздохнул.

В прошлом сне был циничный, бесчувственный президент Се, а в этом — больной на всю голову яндэре-мажор.

Контраст оказался разительным, и ему требовалось немного времени, чтобы переключиться и адаптироваться.

По правде говоря, Се Цзяньвей не совсем понимал эту задумку.

Чего добивался Лу Ли в этом сне? Он ведь изначально запрограммировал его любить себя до умопомешательства, неужели можно любить еще сильнее?

Дальше-то куда сильнее, он и так уже черт знает до чего дошел?

При всем своем коэффициенте интеллекта в двести восемьдесят пунктов Се Цзяньвей все равно с трудом постигал извилистые тропы мысли душевнобольного.

Кстати, под душевнобольным он имел в виду мажора-яндэре, а не своего домашнего Лу Сяоли.

Ладно, это объяснение звучит слишком неубедительно :D

Ничего страшного, если пока не удастся уловить суть, ведь уже завтра придет Лу Ли — тогда и будет разбираться по ходу дела, так или иначе проблему решить удастся.

Се Цзяньвей убрал дневник, встал с кровати и переоделся.

Подойдя к зеркалу, он оглядел свое отражение и на секунду замер в растерянности.

Это же он сам в шестнадцатилетнем возрасте.

Се Цзяньвей чуть улыбнулся, мысленно поприветствовав «себя».

Тогдашний он едва ли мог назвать это полноценной жизнью.

Впрочем, столько времени уже утекло, и при воспоминаниях об этом на душе было совершенно спокойно.

Ведь именно встреча с Лу Ли стала истинным началом его жизни.

Лу Ли был круглым сиротой до мозга костей, нищим пареньком, который целыми днями хрустел яблоками — и откуда только в его фантазиях взялся этот элитный образ жизни аристократов?

Да еще обставленный со всем возможным вкусом, что вызывало у Се Цзяньвея странное, донельзя раздражающее чувство дежавю.

Роскошный особняк, вечно опускающая прислуга с выражениями лиц более пустыми, чем у разумных роботов, огромная гостиная, где воцарилась такая звенящая тишина, что падение иголки прозвучало бы как выстрел, а также хрустальная люстра под потолком — ослепительно яркая, как солнце, на которую можно было только смотреть, но не дотронуться.

Какой бы яркой ни была люстра, ей было не под силу рассеять мертвенную хмарь, царившую во всем доме.

Состояние здоровья Се Цзяньвея оставляло желать лучшего: стоило ему сделать пару шагов по винтовой лестнице вниз, как у него уже сбилось дыхание, а на лбу выступил пот.

Сделав его настолько хилым, Се Цзяньвей ломал голову: а Лу Да-Ли вообще намерен заниматься с ним какими-то веселыми вещами?

На длинном обеденном столе на первом этаже уже был подан ужин.

Для одного человека еды было более чем достаточно.

Семи блюд и один суп — все изысканные и баснословно дорогие. Обычный человек от одного вида захлебнулся бы слюной и с радостью схватился за столовые приборы, чтобы наброситься на еду.

Однако Се Цзяньвей лишь слегка нахмурил брови.

Чистой воды холодное насилие.

Все детали проработаны до мелочей, и черт его знает, откуда Лу Ли почерпнул подобный опыт.

Хозяин особняка вечно пропадал в разъездах, а маленький хозяин отличался слабым здоровьем и, судя по всему, прескверным характером, из-за чего вся эта прислуга не только ни в грош его не ставила, но и откровенно терпеть не могла.

Если со стороны посмотреть на этот стол, придаться было абсолютно не к чему.

Но для Се Цзяньвея вся эта масляная еда была полностью под запретом.

Его нынешнее тело обладало крайне слабыми пищеварительными и всасывающими способностями, так что стоило ему сейчас наброситься на мясо, как среди ночи его ждал бы такой жуткий спазм в животе, что он бы извивался от боли.

Однако не есть тоже нельзя — начнешь жаловаться, что еда не по вкусу, прислуга тут же изобразит готовность переделать все заново, но принесет точно такую же дрянь.

Заяви Се Цзяньвей напрямую, что хочет чего-то легкого и пресного, у них тоже нашлось бы что ответить:

— Молодой господин, господин и госпожа велели следить, чтобы вы ели побольше питательной пищи — только так ваше здоровье пойдет на поправку.

Счастье наше.

У Се Цзяньвея, разумеется, имелись методы приструнить эту шайку, но он палец о палец не ударил.

В конце концов, по сценарию он был жалким, обделенным любовью подростком, которого все шпыняют, несмотря на то, что он заперт в золотой клетке.

Ему оставалось лишь ждать своего маршала на белом коне... то есть доктора на белом коне, который придет и спасет его.

Промучившись голодным всю ночь и взглянув на утренний завтрак, Се Цзяньвей понял, что голодовка продолжается.

Вот же сволочи, притащить миску лапши с говядиной да еще и адски острой — они что, издеваются, пытаются уморить его голодом!

С хрупким здоровьем этого тела после такой миски лапши можно смело забыть о планах на

день: туалет станет его второй спальней.

Жаль только военного советника Се, который жить не мог без острой пищи — глядя на это масло с перцем, его сердце обливалось кровью.

И голодный, и в то же время безумно желающий поест, Се Цзяньвей проявил железную волю и выстоял!

Судя по дневнику яндэре-подростка, доктор Лу должен был заявиться примерно около десяти утра.

И каждый раз Се Цзяньвей сидел у окна в ожидании, уставившись туда с самого пробуждения и до тех пор, пока фигура доктора не показывалась у калитки.

Иногда это занимало три часа, иногда четыре, а порой из-за предвкушения скорой встречи с Лу Ли Се Цзяньвей не мог сомкнуть глаз и, проснувшись в пять утра, уже усаживался на свое место.

Причина была лишь одна: он боялся упустить момент, если Лу Ли вдруг придет чуть раньше обычного.

Верно, этот юный господин действительно был с прибабахом.

Посмотрев на часы, Се Цзяньвей прикинул, что если сесть туда прямо сейчас, просидеть придется как минимум три часа.

Уже от одной мысли заняла поясница, особенно с учетом того, что в желудке от голода урчало.

<http://bllate.org/book/21280/2156616>